

Тщательно изучив содержание, стиль и слог документов подобного рода, Новиков, конечно, являлся не переписчиком, а писателем-творцом. Он самостоятельно создавал типический образ русского крестьянина, близкий к тем, которые имелись в рукописной демократической литературе. Так, образ нищего крепостного Филатки напоминает бедняка из «Азбуки о голом и небогатом человеке». Правда, Филатка — трезвенник, он никогда не пьянствовал, но его положение сходно с положением «голового и небогатого человека».

«Ни пить, ни есть нечево и взять негде», — жалуется «голый и небогатый человек». ¹³ «Мне взять негде . . . ни их (детей), ни себя кормить нечем», — как бы вторит ему Филатка («Трутень», 1769, л. 90). «Нынешним летом, — пишет Новиков, — Филатка хлеба не сеял, да и на будущей земли не пахал. . . лошади померли» («Трутень», 1769, л. 90). «. . . Посеять нечего, — жалуется голый и небогатый человек, — пахать стало не на чем, клячи нет». ¹⁴ Эти горестные жалобы, одинаковые у различных представителей многомиллионной крестьянской массы и в XVII в. и в XVIII в., звучат как подлинный «плач» и в «Азбуке о голом и небогатом человеке», и в отписке Филатки.

Новиков, «чувствительный к состоянию крестьян», сумел, таким образом, не только услышать, «как плачутся» «голые» Филатки, но и передать их скорбь в форме, близкой к народной рукописной литературе.

Сближаясь в разработке крестьянской темы с рукописной демократической сатирой, зародившейся еще в XVII в., Новиков выражал в своих журналах настроения крепостной массы, отразившиеся в современном ему «Плаче холопов». Знаменательно, что Новиков в порыве негодования на «жестокосердые» помещиков впервые в русской литературе назвал их «тиранами», т. е. так же, как их называет автор «Плача холопов». Бросается в глаза, что образ помещика-мучителя зарисован в журнале Новикова в тех же красках, как и в народном произведении. В «Плаче холопов» злые помещики «едят холоп глазами», и Безрассуд убежден, что «крестьяне должны трепетать его взора». И там и тут подчеркивается суровое отношение, «несносные» или «жестокие» побои, а также презрительное отношение дворян к крепостным, на которых Злорад, например, смотрит как на скот. «И нами, как скотом, привыкли обладать», — жалуется автор «Плача холопов». ¹⁵

И у безымянного автора «Плача холопов», и у Новикова отмечено также различие в правовом положении барина и крестьянина. «Барин украдет хоть тысяч десять, никто не присудит, что подобно повесить», — указывает первый. Резко разоблачены на страницах журналов Новикова воры-дворяне, остающиеся безнаказанными. Читателя потрясла страшная «истинная быль» о пропавших у судьи часах. Их украл «благородный» племянник судьи, молодой «господчик», вышедший сухим из воды, в то время как пыткам и наказанию подвергся подозреваемый безвинный подрядчик. В полном созвучии с «Плачем холопов» Новиков пишет: «Худой тот судья. . . который всякие преступления низкой только породе по пред-

¹³ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 30.

¹⁴ Там же, стр. 34.

¹⁵ Встречающееся в журнале Новикова утверждение, что помещики лучше относятся «к лошадям и собакам», чем к своим крепостным («Трутень», 1769, л. 36), также находит отражение в рукописной литературе. Так, в «Притче о житии человеческого и о состарении» читаем: «Зри каковы времена жизни сея. . . Кони и псы в великой чести пребывают, а человеки во хлеве и нагоде рыдают. . . Должно нам сию (неправду) оставляти, а человекаво со скоты не равняти» (С. Ф. Елеонский. Из истории массовой литературы XVIII в. — ИЮЛЯ, т. XIV. М., 1955, в. 5, стр. 454).